

5.95.

Аннушкин и факты - 1993 - май - с 3

• ЕЛЬЦИН ДАЛ ДЕНЬГИ НА «ТРЕУГОЛЬНИК СКОРБИ». ДЕНЬГИ ПРОПАЛИ

Эрнст Неизвестный, художник-Гулливвер

- Ваш знаменитый диалог с Хрущевым закрепил за вами имидж бунтаря, которому все сходило с рук...

- Ничего себе "сходило с рук"! Я 27 лет официально был безработным, двенадцать лет не имел жилья, снимал углы в коммуналках! И в 76-м году меня-таки "уехали" на Запад.

- Теперь не жалеете?

- Знаете, география - это география души, а не верстовых столбов. Мне незнакомо рептильное чувство патриотизма... И потом, род моих занятий таков, что для меня большее значение имеет язык жеста, нежели слова.

- Замечаете вещи, скрытые от посторонних глаз?

- Я просто все время работаю. Вот, например, сейчас смотрю и думаю, как поставлены ваши глаза на переносице... Может быть, поэтому я так люблю телевидение. Кстати, о жестах - недавно показывали хронику Ялтинской конференции. Привозят элегантного Рузвельта. Входит Черчилль - садится, не оборачиваясь: он точно знает, что ему поставят стул. Что же делает диктатор всех времен и народов Иосиф Виссарионович Сталин? Он перед тем, как сесть, тревожно оглядывается и - стряхивает с кресла пыль! Слова не нужны: по одну сторону аристократы, по другую - горцы... В этом смысле меня много лет спустя потряс Горбачев. На заре перестройки "Вашингтон пост" попросила меня сделать его портрет. Я должен был нарисовать его во время приема в посольстве. И вот тогда я обратил внимание на то, какой это невероятно обучаемый человек: Горби тоже сначала все время оглядывался, но очень быстро перенял манеру людей, которые, снимая пальто или шляпу, точно знают, что их подхватят.

- Судьба подарила вам и падения, когда приходилось спать на сундуках, и взлеты - теперь вы сказочно богаты, на равных общаетесь с президентами, вас приглашают в посольства...

- Российское посольство в США просто вынуждено это делать, оно сплошь декорировано моими скульптурами! Что касается богатства, то на сегодняшний день я живу в кредит.

- С трудом верится, что вам не хватает денег. Кирсан Илюмжинов, заказавший вам памятник калмыцкому народу, определил сумму вашего гонорара как огромную...

- О, первый раз в моей практике - и, я думаю, в первый раз в истории России - со мной поступили так, как должно поступать с Мастером. Мне перечислили деньги еще до того, как я начал работать. Так относились к художнику в эпоху Возрождения. Когда Папа Римский пригласил Микеланджело расписать Сикстинскую капеллу, тот поставил условие: чтобы Папа не видел его творения до того, как оно будет завершено. Хотя тот платил деньги! И старенький Папа

Неизвестный никогда никого не боялся. Родился с "родимым пятном" в анкете (сын белого офицера), но в молодости открыто провозглашал свои анархосиндикалистские воззрения. Участь на философском факультете МГУ, организовал подпольный факультет культурологии. Когда в 62-м году Хрущев громил выставившихся в Манеже "недерасов", юные храбрецы-художники спасовали - вперед вышел Неизвестный. Он и генсека не испугался, бросил в лицо: "Искусство должно оценивать эксперты, а не неучи". И его не посадили. Более того - впоследствии именно Эрнсту Неизвестному дети Хрущева предложили поставить памятник на могиле отца.

ночью тихонько пробирался в капеллу - боялся умереть, не увидев творения великого мастера, а рассерженный Микеланджело бросал в него сверху известь!.. Так вот господин Илюмжинов - очень умный человек, он заключил со мной беспрецедентный договор: под ним две подписи без печатей. Но деньги переводятся, и работа идет. А вот бумаги, которые посылаю в различные министерства Ельцина, - указания выделить средства на строительство "Треугольника скорби", - несмотря на соблюдение всех формальностей, потерялись!

- Я слышала, что Ельцин еще в самом начале строительства выделил 40 млн. рублей из своих личных гонораров...

- Видите ли, после январской встречи Ельцина с Клинтон у меня была возможность поговорить с Борисом Николаевичем лично. И я сказал ему, что как человек он поступил очень благородно, хотя я тоже вкладываю в монумент свои личные деньги, мне пришлось потратить 120 тыс. долларов на то, чтобы начатое в Магадане строительство не остановилось. Выделенные Президентом средства где-то прокручиваются, их никто не видит! Рабочие работают бесплатно... Так вот я сказал: как человек вы поступили благородно, но как Президент вы обязаны думать не о своем личном благородстве, а о нравственности государства. Оно должно дать деньги на памятник своим жертвам. Это память о жертвах утопического сознания - ибо я никогда не следовал призывам демократов разделить палачей и жертв.

- Но в этот раз вы приехали в Россию по радостному поводу: в Одессе открыли

ваш монумент к 300-летию города - "Золотое дитя". Как раз в День Победы...

- Знаете, моя профессия - дело молчаливое и одинокое. Оно требует тишины, и поэтому ту часть моей судьбы, которая сделала меня публичным человеком, я воспринимаю не как радость, а как тяжелую обузу. Но Одесса в первый раз дала мне почувствовать радость неофициальной церемонии. Новобрачные заключали под моим памятником брак - просили их благословлять. Я хоть и отнекивался - не священник же и не равнин! - а пришлось.

- В Москве в это время открывали Монумент на Поклонной горе. Как вы его оцениваете?

- Я видел только церковь, и, по моему, она прелестьна. А с монументом интересная история. В свое время - в 62-м году - именно я выиграл конкурс на этот памятник, но проект был закрыт. Хотя сейчас я рад, что мне не дали его поставить. Мне было

бы стыдно за такой помпезный фальшивый монумент. Это должна была быть своего рода реминисценция рюдовской "Марсельезы": трехгранный 80-метровый штык и на нем Виктория, символ победы, с развивающимся плащом - крылья тогда были запрещены.

- Удивительно похоже на то, что создал Церетели...

- К сожалению, я не видел. Но у меня был и другой проект, который я не отказался бы делать и сейчас: "Озеро слез". Озеро в форме перевернутой пирамиды, на дне которого - огромная маска спящего солдата, чуть покрытая водой. А на пандусе - названия дивизий, полков,

чтобы каждый мог найти там хотя бы свою часть...

- Вы так часто употребляете слова "гигантский", "огромный"... Это что - масштабность мышления скульптора?

- В молодости я, конечно, был заражен тягой советского искусства к гигантомании. Но с философской точки зрения художник всегда Гулливер - он дружит только с большим и малым, с карликами и великанами. Ему скучно с повседневностью.

- С возрастом вы не стали осторожнее в оценках?

- Я привык в любой обстановке ощущать себя абсолютно свободным. Например, посреди разговора с Горбачевым я спросил: "А где у вас здесь туалет?" Помощники были в шоке. А Горби после нашей встречи сказал: "Это второй человек после Гонзалеса, с которым мне интересно разговаривать". Сам он тоже поразил меня своим обаянием: когда он говорит, в него влюбляешься. Правда, когда замолкает - не можете вспомнить, что сказал. В отличие от Ельцина. Когда я встретился с Ельциным, передо мной стоял человек, знавший, чего он хочет. Он проанализировал французскую, английскую демократию - это не было удивительным для меня как для интеллектуала, но было удивительно слышать от советского политика! В ту нашу встречу он сказал мне слова, которые интересно теперь привести: "Эрнст, сегодня еще есть возможность до распада Союза заключить договора по горизонтали. Но Горби сопротивляется, он хочет вертикальный договор! Это грозит трагедией!". Мое впечатление от Ельцина было грандиозным.

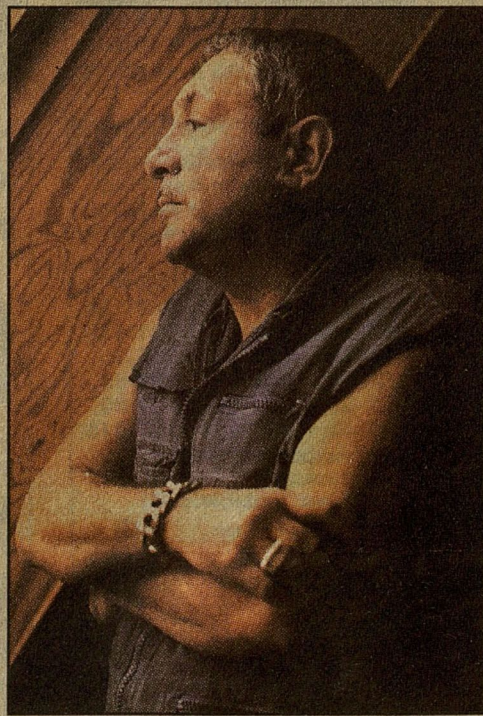
- Сказалась симпатия к земляку или взаимные тосты?

- Честно говоря, мы пили чай, и оба очень мучались. Сидели долго, он задавал мне по-настоящему глубокие вопросы. Вижу - он как будто чего-то ждет. Состояние тягостное, а не спросишь. Потом является фотограф... И когда, наконец, мы остались вдвоем, Ельцин встал, руки вот так раскинул, в ладоши хлопнул и - давая ногами уральскую чечетку! Мол, все - можно расслабиться... А я подумал: вот почему я его люблю. В нем ребенок не умер, понимаете? А для меня пока в человеке ребенок не умер - он жив.

- У вас масса впечатлений от общения с политиками, а извзяли вы только Хрущева. Из современников никого увековечить пока не предлагают?

- Когда-то в молодости ко мне вломился Евтушенко и заорал: "Слушай, Эрнст, почему меня корреспонденты все время о политике спрашивают - а тебя все о Данте да о Достоевском?" Я ответил: "Женя, нужно знать, сколько ты стоишь". Я стою больше, чем придворный живописец.

Мария ВАРДЕНГА
"Фото-НОВОСТИ" РИА

Неизвестный Эрнст

личность 3